

§6 ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

Ипполитов В. А.

КОМСОМОЛЬЦЫ В КОЛХОЗАХ: ПРОТИВОРЕЧИВЫЕ ИТОГИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1930-Х ГОДОВ

Аннотация. В статье анализируется деятельность провинциальных комсомольских организаций в сфере укрепления колхозов в первой половине 1930-х гг. Рассматриваются следующие направления деятельности членов коммунистического союза молодежи: развитие полеводства и животноводства, соцсоревнование, чистка колхозов от «чуждых» элементов. Основными источниками для статьи стали неопубликованные архивные материалы из фондов Государственного архива социально-политической истории Тамбовской области (ГАС-ПИТО). В истории комсомола данного малоизученного периода автор видит как огромный созидательный потенциал комсомола, так и черты деятельности обратного толка. Базовой для изучения историко-комсомольских проблем стала теория огосударствления комсомола, согласно которой комсомол рассматривается как своеобразное советское «министерство молодежи», связующее звено между государством и молодежью. Научная новизна статьи заключается в переосмыслении роли провинциального комсомола в развитии колхозного строя в начале 1930 — х годов. В результате исследования автор приходит к выводу, что комсомольцы сыграли важнейшую роль в укреплении колхозного строя. В целом итоги деятельности организаций ВЛКСМ в деревне были неоднозначны: наряду с полезными начинаниями имели место чистки, доносительство, экстремистское поведение.

Ключевые слова: история, колхоз, комсомол, компартия, коллективизация, чистка, животноводство, социалистическое соревнование, «Легкая кавалерия», молодежь.

Review. The article analyses the activity of the provincial Komsomol organisations in the sphere of strengthening of kolkhozes in the first half of the 1930-s. The following activities of the members of the communistic union of youth are considered: development of crop agriculture and animal husbandry, socialist competition, cleansings of kolkhozes from «alien» elements. Unpublished archival materials from the funds of the State Archive of Socio-political History of the

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-31-01002

Tambov Region (SASPHTR) became the main sources for article. In the history of Komsomol of this low-studied period the author sees both the huge creative capacity of Komsomol, and also opposing features of activity. The basis for the study of historical Komsomol problems was the theory of governmentalisation of Komsomol, according to which Komsomol is considered as a peculiar Soviet «ministry of youth», a linchpin between the state and the youth. Scientific novelty of the article lies in the reconsideration of the role of provincial Komsomol in the development of the kolkhoz system in the beginning of 1930-s. As a result of the research the author comes to a conclusion that Komsomol members played a significant role in consolidation of the kolkhoz system. In general, the results of the activity of the All-Union Leninist Young Communist League organisations in the villages were ambiguous: along with useful undertakings there were also cleansings, whistleblowing and extremist behaviour.

Keywords: socialist competition, animal husbandry, cleansing, collectivisation, Communist Party, Komsomol, kolkhoz, history, light cavalry, youth.

Тема участия комсомола в организации и укреплении колхозного строя на данный момент является малоизученной. Специальных работ по ней практически нет. В советской историографии освещались лишь положительные стороны деятельности ВЛКСМ в развитии сельского хозяйства [7]. Частично вопросы участия комсомольских организаций в организационно — хозяйственном укреплении колхозов во второй половине 1930 — х годов рассмотрели Д. В. Павлухин [8], С. Н. Надиров [5], Р. П. Осипов [6], Ю. А. Стецюра [16]. Задача данной статьи восполнить пробел в истории организаций ВЛКСМ данного периода, исследовать их деятельность по совершенствованию колхозного строя.

В 1929–1930 годах комсомольские организации, выполняя задание партии, приняли активное участие в сплошной коллективизации крестьянства и ликвидации кулачества как класса. Но это было лишь началом работы по реконструкции деревни. Хозяйственное состояние недавно организованных колхозов оставляло желать лучшего, процветала неорганизованность, слабая дисциплина, отсутствовали критерии оплаты труда.

Для комсомольских организаций в деревне важнейшей задачей являлось развитие полеводства. Уровень урожайности на колхозных полях упал по сравнению с периодом нэпа. Низкие урожаи в колхозном хозяйстве во многом объяснялись нежеланием колхозников трудиться в поле практически бесплатно, а также истощением плодородия почвы. Потери при уборке и молотье хлеба были огромны. Однако партия ставила перед комсомольцами амбициозную задачу добиться увеличения урожайности в два раза. На ячейки ВЛКСМ была возложена задача организации борьбы с потерями. Члены союза создавали отряды по сбору колосьев, посты «высокого урожая», но значительного результата эта деятельность, как правило, не приносила.

Для подъема урожая комсомольцы должны были следить за применением удобрений и участвовать

в сборе навоза и золы. Однако молодежь не всегда проявляла энтузиазм в данной работе. В 1932 году Обком ВЛКСМ ЦЧО выражал недовольство тем, что многие секретари райкомов не выполнили указаний А. М. Кагановича и А. В. Косарева о минеральных удобрениях. Часто работа комсомольских организаций ограничивалась лишь доставкой удобрений со станций в колхозы. Совершенно не велось никакой деятельности по борьбе с фактами разбазаривания, плохим хранением и несвоевременным внесением удобрений в почву. Обком требовал немедленно изменить ситуацию, активно применяя отряды «Легкой кавалерии» [28, а. 77, л. 204].

Стиль партийного руководства экономикой был насквозь пропитан милитаризмом, постепенно он передавался и комсомольским организациям. Часто выполнением самых обычных сельскохозяйственных работ занимались «ударные», «боевые», «красные» отряды или бригады. Весной 1934 года бюро Сосновского РК ВЛКСМ подчеркивало, что колхозы теряют большое количество урожая от сорняков. Отмечалось, что в течение последних лет хорошие результаты показывали «боевые» отряды против сорняков. РК постановил при каждом колхозе организовать «боевые» отряды из комсомольцев, пионеров, беспартийной молодежи, членов Осовиахима и профсоюзов для очистки полей. Главным условием успешной работы, справедливо считалось отсутствие кампанейщины в борьбе с сорняками. Работу следовало проводить систематически в течение всего сезона. Отряды должны были быть постоянные на весь период, а персонал обязан отвечать за очистку полей перед правлением колхоза. Райком предупреждал, что ко всем, кто проявит халатное отношение к данной работе, будут применяться жесткие меры союзных взысканий [26, а. 149, л. 2].

Одной из работ по повышению урожайности колхозных полей было снегозадержание. Деятельность комсомольских организаций в этой работе была неудовлетворительной, задания Обкома ВЛКСМ выполнялись не более чем на 10%. Ряд

ячеек вообще игнорировал проведение кампании снегозадержания ^[30, а. 20, л. 64]. Слабую работу можно объяснить объективными причинами: не хватало техники и людей.

Партия стремилась активизировать деятельность молодежи по сохранению семенного фонда в колхозе. В 1934 году бюро Инжавинского РК ВЛКСМ напоминало о необходимости реализации постановления ЦК и СНК о проверке состояния всхожести и сохранности семенного материала. Райком поставил задачу организовать у каждого амбара специальные комсомольские посты для контроля качества и охраны семян ^[33, а. 14, л. 32]. Проверка показала, что во многих колхозах семена находились в неудовлетворительном состоянии. В этой работе особенно активно проявили себя группы «Легкой кавалерии».

Постоянной работой сельских комсомольских ячеек была борьба с грызунами и прочими полевыми вредителями. Например, в 1930 году Козловской окружной организацией было истреблено 13059 сусликов и залито нор вредителей на площади 9532 га ^[21, а. 343, л. 168]. К этой работе активно привлекалась пионерская организация.

Комсомольские организации делали попытки внедрить в сельское хозяйство новейшие научные разработки. В 1932 году в городе Мичуринск прошла конференция под название «Зеленые растения в центре внимания комсомола». На ней был поставлен вопрос об участии комсомольской и беспартийной молодежи в социалистической реконструкции плодово — ягодного хозяйства. Комсомольцы утверждали на конференции, что задача социалистической науки состоит не только в том, чтобы объяснять мир, но и переделывать его. Члены союза утверждали, что необходимо развивать производственные силы земли с тем, чтобы «они лучше и полнее соответствовали требованиям трудящихся» ^[29, а. 194, л. 1]. Перед комсомольцами была поставлена задача создавать кружки по изучению достижений и методов И. В. Мичурина. Молодежь должна была организовывать селекционные работы в колхозах и совхозах. Несмотря на явно слишком амбициозные цели, данная работа, несомненно, приносила пользу сельскому хозяйству страны.

Животноводство являлось наиболее пострадавшей в результате коллективизации отраслью хозяйства. Прежде всего, задачей комсомола было добиться прекращения убоя скота. Однако далеко не все комсомольцы выполняли соответствующие директивы партии. В Жердевском районе ЦЧО зимой 1930 года комсомолец не помешал матери зарезать телку. За это он был исключен из организации.

Правда, впоследствии его восстановили, так как в тот момент он был болен и не мог предотвратить убоя. Член союза Медведев после решения о контрактации скота в 12 часов ночи зарезал семипудовую свинью. Так как он являлся еще и членом партии, это было воспринято крестьянами как сигнал к действию — все также стали забивать скот ^[28, а. 30, л. 21]. В Хрущевской ячейке два комсомольца — активиста Бирев и Турусин зарезали своих законтрактованных коров, за это райком ВЛКСМ поставил вопрос об их исключении ^[19, а. 171, л. 65]. Таким образом, комсомольцы стремились избавиться от скота, чтобы не отдавать его государству. Подобное поведение свидетельствовало о солидарности молодых членов союза с позицией широких масс крестьянства. Собственное благосостояние для многих молодых комсомольцев было важнее интересов государства.

Отношение к колхозному скоту со стороны крестьян было далеко не таким как к своему собственному. Документы 1930-х годов наполнены примерами бесхозяйственности в колхозном животноводстве. В 1934 году в колхозе «Красный пахарь» Шехманского района ЦЧО комсомольцами при проверке были обнаружены следующие факты: кормление лошадей ржаной мякиной, отсутствие дежурства на ферме, плохой уход за поросятами. Лошадей в колхозе было всего 80 штук, из них 25% были средней упитанности, а остальные 75% ниже средней. В другом колхозе от плохого ухода пала лучшая лошадь. Две лошади утонули в болоте из — за плохого присмотра ^[23, а. 32, л. 67]. Поголовье скота в колхозной деревне было восстановлено до уровня конца нэпа лишь в 1950-е годы.

В 1935 году член союза Начинкин (Красивский район ЦЧО) совершил некомсомольский поступок — продал своего телка предназначенного для передачи бескоровному колхознику. За «шкурничество» комсомолец получил строгий выговор ^[27, а. 4, л. 10]. Данный пример является типичным, он показывает, что интересы собственного хозяйства для многих молодых людей значили больше, чем отвлеченные понятия о равенстве и социализме.

Комсомольские организации предпринимали меры для исправления создавшегося положения. Шехманский РК ВЛКСМ предлагал довести до 30% число конюхов-комсомольцев по району, ячейкам поручалось выдвигать лучших членов союза на конюшни. На комсомольцев возлагалась персональная ответственность за подготовку коня к весенней посевной кампании. Предполагалось создать по району три комсомольских — показательных конюшни, укомплектованных лучшими членами союза ^[23, а. 26, л. 1]. С 1932 года по заданию ЦК ВКП(б)

комсомол официально принял шефство «над колхозным конем» [26, а. 78, а. 10]. Однако лишь небольшое количество комсомольцев выражало желание работать конюхами.

Постепенно к середине 1930 — х годов возросло количество технически грамотных комсомольцев, занимавшихся животноводством. В Шехманском районе общее собрание Раковской организации ВЛКСМ отмечало, что лучшие свинари фермы № 1 влились в стахановское движение и за небольшой период времени добились высоких показателей. Бригада комсомольского организатора Мягких давала хороший прирост племенного молодняка: элита 51%, первый класс 21%. Таких результатов, как говорится в документе, «бригада достигла благодаря культурному содержанию свинарника, своевременному и правильному кормлению, соблюдению всех зоотехнических норм» [23, а. 47, а. 87]. За ударный труд комсомольцы были премированы: Мягких — квартирой с полным оборудованием, Артамонов — квартирой, Крамских — хорошим поросенком. Материальное стимулирование играло важнейшую роль в интенсификации труда комсомольцев.

Насущной проблемой большинства колхозов была нехватка кормов для скота. Партийное и комсомольское руководство пыталось решить данную проблему путем заготовки силоса. В мае 1930 года нарком земледелия Я. А. Яковлев поручил комсомолу сделать один миллион силосных ям. Заготовке силоса придавалось политическое значение. ЦК ВЛКСМ дал задание каждой деревенской ячейке создать 40 ям или траншей. Силосовать рекомендовалось бурьян, осот, молочай, капустный лист и т.д. [35, с.3]

Заготовка силоса в ЦЧО шла медленно. Летом 1931 года бюро Мичуринского РК объявило о проведении субботника по силосованию кормов. Необходимость его была понятна — районный план выполнялся медленно, к 25 августа 1931 года он был выполнен на 29,2%, а по некоторым сельским советам только на 13% [29, а. 163, а. 21]. Комсомольское руководство было вынуждено принимать меры для стимулирования процесса заготовки кормов. Объявляется решительная борьба с теми, кто уклонялся от силосования кормов. Отговорки «нам некогда, заняты» не принимались.

Каждый комсомолец должен был стать участником и организатором социалистического соревнования на селе. Широко пропагандировался лозунг — «нет комсомольца, который не участвует в соцсоревновании». Жердевский РК ВЛКСМ предлагал комсомольцам переводить соревнование на высшую степень (выдвижение встречных планов, организация планоно — оперативных групп). Молодые люди

были должны добиваться укомплектования бригад колхозниками таким образом, чтобы высвободить рабочую силу для промышленности [28, а. 64, а. 1].

Типичный договор о соревновании заключили летом 1933 года комсомольские организации Уваровского и Мучкапского районов. Ячейки ВЛКСМ брали на себя следующие обязательства: провести массовую проверку качества прополки посевов на площади 6300 га, привлечь к данной работе 190 человек, организовать 40 дозоров высокого урожая, приготовить 18 силосных ям, закончить паспортизацию всех лошадей. Районные организации обязались провести массовую проверку трудодней, выработанных комсомольцами. Проведение соцсоревнований имело важное значение для повышения производительности труда [25, а. 9, а. 14].

В практику работы союза вводились систематические заслушивания отчетов отдельных комсомольцев об их работе на общих собраниях. Практиковалось вывешивание показателей работы комсомольцев. Лучших ударников из беспартийной молодежи руководство союза стремилось вовлечь в комсомол [26, а. 149, а. 13]. Важное значение придавалось работе в дни церковных праздников, особенно Пасхи. В эти дни комсомольцы обязаны были работать в поле и вести разъяснительную работу.

Молодежь со свойственным ей энтузиазмом показывала высокие результаты в работе. Мобилизирующим фактором являлась вера в возможность быстрого построения социалистического общества, ради этой цели комсомольцы работали не жалея сил. В 1932 году в Жердевском районе бригада под руководством комсомолки Вольной в колхозе «Мысли Ильича» проводила прополку подсолнуха за 10 часов на площади 1,4 га вместо 1 га по плану. Вторая бригада из комсомольцев в колхозе имени Карла-Маркса организовала воскресник по прополке подсолнуха, перевыполнив план на 200% [28, а. 64 а, а. 12].

В отчетах за 1932 год по Жердевскому району отмечалось, что члены союза, работающие в колхозе на 30% были охвачены соцсоревнованием и ударничеством. Комсомолец Щебаков выкапывал картофеля в течение определенного времени в 1,5 раза больше беспартийных. Комсомолка Самородова производила копку маточной кормовой свеклы, перевыполняя норму выработки на 43%. Комсомольцы-трактористы В.И Паленов, И. В. Мещеряков и С. И. Глушкова за 8 часов работы вспахали пара 2,7 га против 2,2 га согласно норме выработки, израсходовав горючего 16 кг на гектар вместо установленных 17,5 кг. Ударники работали не только на тракторах — лошади продолжали выполнять большую часть работы в колхозе. Комсомольцы Матвеева

и Агеев хорошо ухаживали за прикрепленной к ним лошадию. Когда они заметили, что постромки трут бока лошади — Матвеева разорвала свой фартук и обмотала постромки [28, а. 64 а, а. 22]. В сложных условиях самоотверженность молодежи позволяла преодолеть бесхозяйственность. Подобные трудовые успехи значительно повысили авторитет ВЛКСМ в деревне. Наиболее выдающиеся комсомольцы были отмечены высшей наградой страны — орденом Ленина: трактористка Жердевской МТС А. Воронова, тракторист Рассказовского зерносовхоза А. Ульяновкин, доярка колхоза им. Ленина Староюрьевского района Е. Журавлева [9, с. 8].

Однако молодежь в колхозе была разная, рядом с ударничеством присутствовали бездеятельность и безответственность. Привлечь молодежь к труду одними лозунгами было очень сложно. Комсомольцы, как часть деревни, во многом сохраняли крестьянскую психологию отчужденности от колхоза. Многие были убеждены, что «в колхозе — то не надо особо стараться» [17, с. 159]. В Жердевском районе комсомольцы — трактористы Протасов, Горбунов, Колодин систематически не выполняли норму выработки, бесхозяйственно расходовали горючий и смазочный материал. Также они, используя хозяйственные трудности совхоза, занимались «рвачеством». Горбунов совершенно разбил один трактор, а Колодин из-за небрежного отношения расплавил на нем подшипники [28, а. 64 а, а. 22]. В начале 1930 — годов подобные примеры были не редкостью. За плохую работу бригады могли оштрафовать виновных на несколько трудодней. Нередки были случаи, когда бригада объявляла себя ударной, но ничего не делала. Такие бригады объявлялись лжеударными.

Партийное руководство придавало плохой работе комсомольцев политическую оценку. Так, в Сосновском районе было объявлено, что комсомольская организация колхоза им. Яковлева целиком попала под влияние классово — враждебных элементов. Ячейка не смогла проявить большевистскую настойчивость по мобилизации молодежи и колхозников на выполнение государственных обязательств, а наоборот стала «плестись в хвосте враждебных элементов». Комсомольцы проявили беспечность в отношении своевременной прополки проса. Из 190 га проса на 6 августа 1934 года было прополото 71 га [25, а. 107, а. 21]. В подобных случаях проводились чистки от «чуждых элементов».

На 1933 год в Инжавинской организации ВЛКСМ насчитывалось 750 человек из них ударниками было 50 и 7 «лодырями» [22, а. 145, а. 70]. Комсомольское руководство вело постоянную борьбу с уклоняющимися от колхозной работы. По всем

колхозам устанавливались красные доски для ударников и черные для «лодырей». Жердевский райком ВЛКСМ отмечал, что некоторые комсомольцы вместо сортировки семян катались на лыжах. В некоторых колхозах комсомольцы уезжали в поле за грибами, когда на работу в поле были нужны люди и лошади [28, а. 43, а. 23]. Комсомольское руководство объясняло подобные факты наличием в союзе отсталых настроений и слабостью политического воспитания. Однако нельзя не учитывать фактор молодости комсомольцев, их потребность к развлечениям, спорту. К «лодырям» применялись все способы общественного воздействия, вплоть до исключения.

Важнейшим элементом деятельности комсомольцев в колхозе являлась «чистка от чуждых элементов». Наличием вредителей было легко оправдать хозяйственные трудности в колхозах. Хотя бывшие кулаки не могли состоять членами артели, на IX съезде ВЛКСМ (январь 1931 года) были осуждены настроения о прекращении классовой борьбы в районах сплошной коллективизации. Считалось, что кулаки перенесли классовую борьбу в колхоз, разжигая «рваческие» и саботажные настроения [36, с. 472]. Наибольшее количество исключенных из комсомола, в рассматриваемый период, пришлось на время существования политотделов МТС в 1933–1934 годах.

В среде провинциального комсомола были широко распространены настроения сочувствия к кулакам. Значительная часть членов союза не воспринимала кулаков как своих классовых противников. Общинные традиции в деревне не были полностью разрушены сплошной коллективизацией. В Токаревском районе были факты, когда комсомольцы на общих собраниях выступали за кулаков, которых собирались вычистить из колхоза. Многие комсомольцы имели родственников — кулаков. Секретарь одной из ячейки Колмаков защищал кулака, с которым находился в родстве [24, а. 30, а. 52].

В 1931 году за укрывательство кулацкой коровы был исключен из ВЛКСМ секретарь колхозной ячейки В. И. Попов. Корова, которая принадлежала его родственникам, была обнаружена сельским советом благодаря поступившему заявлению [29, а. 178, а. 178]. Доносы, поощряемые начальством, со временем стали широко распространенным явлением.

Наиболее распространенной причиной исключения из ВЛКСМ было кулацкое происхождение. За чуждое социальное происхождение был исключен М. М. Остроухов, член ВЛКСМ с 1930 года. Якобы его отец имел до революции 50 га арендной земли, 10 рабочих лошадей, 7 штук коров, 30 овец, ветряную мельницу и полный сельскохозяйственный инвентарь. Кроме того, отца объявили членом

«банды Антонова». На заседании бюро Токаревского райкома Остроухов, как сказано в документах, он пытался уклониться от принадлежности к кулацкой семье, заявляя, что ничего не знал. Бюро подобные доводы не убедили, напротив комсомолец был обвинен еще и в том, что он «используя свою принадлежность к ВЛКСМ, пролез на областные курсы прокурора» [24, а. 53, а. 42].

Нередко комсомольцы получали наказание или вовсе исключались за проведение «кулацкой линии» в колхозе. Часто это выражалось в отказе от проведения хозяйственно — политических кампаний. В Пичаевском районе комсомолка Иватина была объявлена попавшей под кулацкое влияние, потому что не участвовала в сборе семенного фонда и мобилизации средств. Сама Иватина заявляла, что один раз ходила по мобилизации. Отказ от дальнейшего участия в ней комсомолка мотивировала тем, что «у меня нет терпения, когда плачут люди». Т. Гордеев на вопрос, почему за своё пребывание в комсомоле лишь один раз был на общественной работе, сказал: «Я боюсь». Он же при беспартийной молодежи заявлял, что «я не буду участвовать в хозяйственно — политических кампаниях, комсомольцем быть не желаю» [32, а. 51, а. 122]. Комсомолец Баркунов (Васильевская ячейка) был объявлен агентом кулака, за то, что сказал на собрании граждан следующее: «Скотозаготовка является вредительством и советская власть делает вредительство в сельском хозяйстве». Сучалин (Колмаковская ячейка) не верил в дело социалистического строительства и переустройство сельского хозяйства на основе сплошной коллективизации. Бюро РК Токаревского района отмечало, что подобные высказывания «являются выражением верхушки деревни и кулачества, и ничего общего с Ленинским комсомолом не имеют» [24, а. 4, а. 3]. Отказы от участия в хозяйственно — политических кампаниях, критика колхозного строя воспринимались как предательство дела партии и комсомола.

Часто проверке социального происхождения подвергались комсомольцы, допустившие неосторожные высказывания по поводу политики партии. В 1932 году член союза Соколов, сказал, что «разорение хороших хозяйчиков-кулаков и пятилетки приведут, что все будут ходить раздетыми». Проведенная проверка якобы выяснила, что отец и дед Соколова были крупными торговцами. Комсомолец был обвинен в протаскивании в союз кулацкой идеологии и исключен из ВЛКСМ [31, а. 22, а. 26].

Чистка среди беспартийных колхозников была намного масштабней, чем в среде комсомола. Комсомолы, пионеры, отряды «Легкой кавалерии»

активно искали чуждые элементы. Например, в Жердевском районе из колхоза имени Ворошилова был исключен В. Деев, объявленный бывшим бандитом [28, а. 36, а. 19]. В 1933 году Политотдел Козловской МТС рассматривал материалы о членах колхоза «Коммуна»: П. Я. Попов — бывший старшина, И. А. Воропаев — сын судьи, С. С. Кретьинин имел бакалейную лавку, М. П. Трунов — зажиточный [20, а. 1, а. 10]. Все были исключены как вредители и классово — чуждые элементы в колхозе. Только с 1 декабря 1932 по 1 апреля 1933 года из колхозов Сампурского района было исключено 479 крестьянских семей. Среди исключенных было: 13 председателей колхозов, 31 член правлений, 17 счетоводов, 28 конюхов, 1 бригадир [18, а. 120, а. 4]. Чистки колхозов приносили несомненный вред сельскому хозяйству страны.

Комсомол являлся главным сторожем колхозной собственности, особенно учитывая малочисленность сельских партийных ячеек. Хищения колхозной продукции являлось обычным явлением на территории всей страны. Небольшие выдачи по трудодням не могли обеспечить нормальное существование семей колхозников. Способствовать сохранению колхозного урожая должен был закон от 7 августа 1932 года, известный как «закон о трех колосках». За малейшее воровство он предусматривал тюремный срок от пяти до десяти лет.

Важную роль по проведению этого закона в жизнь призван был сыграть комсомол. Партия указывала, что главное внимание колхозных и совхозных комсомольских ячеек должно быть направлено на преодоление сопротивления остатков мелкобуржуазности, которая выражалась в расхищении колхозного имущества или инвентаря. Комсомолец, являлся представителем государства в колхозе, поэтому был обязан беспощадно вскрывать кулаков и их агентов, которые покушались на общественную собственность. Партийное руководство уверяло молодежь, что расхищают общественное имущество либо кулаки, либо несознательные элементы, не изжившие свой мелкобуржуазный характер. Однако сельские комсомольцы отлично понимали, что под действие этого сурового закона попадали рядовые колхозники, отнюдь не кулаки.

Тамбовский городской комитет ВЛКСМ подчеркивал важность очищения ячеек от «всех жуликов, лодырей и прогульчиков, пьяниц, а также нейтральных людей, стоящих в стороне от борьбы с расхитителями колхозного имущества» [31, а. 32, а. 6]. Подобные заявления не были случайными, значительная часть комсомольцев стремилась остаться в стороне от репрессий против односельчан — кол-

хозников. Так, в Жердевском районе Н. А. Тонетев был исключен за невыход на пост по охране овса и за халатное отношение к постановлениям бюро ячейки [28, а. 66, л. 2].

Очень часто сельские комсомольцы не только не хотели охранять урожай, но и сами расхищали колхозное имущество. Причины этого понятны — звание комсомольца приносило доход лишь «союзному руководству», а рядовые члены организации оставались без средств к существованию. Комсомолец А. А. Гладышева за расхищение колхозного имущества приговорили к десяти годам лишения свободы, но ввиду не достижения им восемнадцати лет, срок снизили до пяти лет [30, а. 77, л. 9]. За кражу хлеба в Инжавинском зерносовхозе комсомольца Юмашева осудили на десять лет. [30, а. 14, л. 20].

Голод толкал комсомольцев на похищение продуктов предназначенных для школьников. Учитель комсомолец Иванов подозревался в грабеже, так как расхищал школьный картофель [23, а. 32, л. 67]. Комсомолец Аксенов нарушал постановление школы, ходил на огород без разрешения и рвал помидоры [24, а. 28, л. 2].

Позднее, когда прошли самые тяжелые голодные годы, хищения колхозного имущества продолжались. В Шехманском районе комсомолец А. Соболева был исключен, как растратчик сахара. [23, а. 47, л. 182]. Бригадир член союза Попов пропил стог артельной соломы и деньги, полученные от правления для выдачи колхозникам [23, а. 57, л. 4]. В 1934 году Уваровский РК ВЛКСМ отмечал слабую работу комсомольской ячейки «Нива» в сборе семенного картофеля и потерю бдительности, что привело к его разбазариванию [25, а. 18, л. 1].

Комсомольцы не только сами охраняли колхозный урожай, но и следили за другими сторожами. Например, инжавинские комсомольцы обнаружили, что сторож Полянкин, которому было шестьдесят пять лет, при проверке ночью, спал и не слышал даже ружейного выстрела, сделанного возле него [22, а. 55, л. 172].

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Безнин М. А., Димони Т. М. Аграрный строй России в 1930–1980-х годах (новый подход) // Вопросы истории. 2005. № 7. С. 23–44.
2. Ильиных В. А. Организационно-хозяйственное укрепление колхозов (1930-е-начало 1950-х гг.) // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск, 2010. С. 284–287.
3. Ипполитов В. А. Социально-политические аспекты деятельности тамбовского комсомола в период существования политотделов МТС (1933–1934 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 12–2. С. 86–88. 3. История советского крестьянства. В 5 т. Т 2. Советское крестьянство в период социалистической реконструкции народного хозяйства. Конец 1927–1937. М.: Наука, 1986.

Серьезным недостатком в работе провинциального комсомола была так называемая «кампанейщина». Молодежь проводила работу не постоянно, а лишь после напоминания начальства. В связи с множеством проводимых кампаний комсомольские ячейки иногда не знали, что им делать. В течение 1930-х годов «кампанейщина» и бюрократизм пронизывали всю деятельность союза. Партия по своему усмотрению направляла на различные участки хозяйственной деятельности комсомольские организации, а к середине 1930-х годов наметился поворот к воспитательной работе.

Энтузиазм молодого поколения питал ударничество. Комсомол являлся родоначальником соцсоревнования. В первой половине 1930-х годов энергичная работа членов союза позволяла в некоторой степени укрепить хозяйственное положение в колхозах. Молодежь, отдавая все силы работе в колхозе, знала, что делает это в своих интересах. Жизненно необходимо было поднять ослабленное сельское хозяйство. На государственные средства строились школы, больницы, клубы, открывались различные курсы. Достичь подъема сельского хозяйства комсомольцам не удалось. Это было невозможно в период, когда за счет деревни проводилась индустриализация.

Деятельность комсомола в деревне сложно оценить однозначно: была созидательная деятельность по развитию соцсоревнования, полеводства и животноводства, но были и чистки от «кулацких элементов», показуха и лжеударничество. Комсомольцы и пионеры ловили на полях голодных колхозников, и это воспринималось как подвиг. Партийная опека над комсомолом привела к деформациям сознания молодых людей, к смешению понятий «добра» и «зла». Тем не менее, партия своей цели добилась — у нее в руках находилась все более послушная структура, способная повести за собой, по крайней мере, большинство советской молодежи.

4. Мигущенко О. Н. Влияние социально-экономической политики государства на развитие правовых взглядов сельского населения в 1928–1934 гг. (на материалах ЦЧО): Курск: КФ ОрЮИ МВД РФ, 1999. 154 с.
5. Надиров С. Н. Участие молодежи в проведении коллективизации сельского хозяйства Дагестана // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4–4. С. 180–185.
6. Осипов Р. П. Молодежь Орловщины в предвоенные годы XX века // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 67. С. 197–201.
7. Очерки истории комсомольских организаций Центрального Черноземья. Воронеж, 1978. 236 с.
8. Павлухин Д. В. Комсомол в системе политического контроля (1934–1938 гг. На материалах Воронежской и Тамбовской областей): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Д. В. Павлухин. — Тамбов, 2005. 190 с.
9. Пирожков Г. Заветам Ленина верны. Тамбов: Обком ВКЛСМ, 32с.
10. Рогалина Н. А. Коллективизация: уроки пройденного пути. М.: МГУ 1989. 223 с.
11. Слезин А. А. Антирелигиозный аспект «Великого перелома»: нормативная база и правоприменительная практика // Политика и Общество. 2009. № 7. С. 66–76.
12. Слезин А. А. Комсомол в коллективизации: внутри и против общекрестьянского фронта // История в подробностях. 2011. № 10. С. 66–73.
13. Слезин А. А. Комсомольский трагифарс под аплодисменты Сталину // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2006. Т. 12. № 2. С. 520–530.
14. Слезин А. А. «Легкая кавалерия» в системе политического контроля // Вопросы истории. 2001. № 11–12. С. 131–136.
15. Слезин А. А. Регулирование состава комсомола на рубеже 1920-х-1930-х годов и трансформация общественного правосознания // Право и политика. 2010. № 3. С. 547–551.
16. Стецюра Ю. А., Панарин А. А. Молодежь в переустройстве сельского хозяйства в СССР на рубеже 20–30-х годов XX века // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология, 2012, № 2, С. 56–62.
17. Голоса крестьян: Сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах. М.: Аспект Пресс, 1996. 412 с.
18. Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области. (ГАСПИТО). Ф.П-365. Оп. 1.
19. ГАСПИТО. Ф. П-379. Оп. 1.
20. ГАСПИТО. Ф. П-752. Оп. 1.
21. ГАСПИТО. Ф. П-835. Оп. 1.
22. ГАСПИТО. Ф. П-965. Оп. 1.
23. ГАСПИТО. Ф. П-1103. Оп. 1.
24. ГАСПИТО. Ф. П-1160. Оп. 1.
25. ГАСПИТО. Ф. П-1165. Оп. 1.
26. ГАСПИТО. Ф. П-1117. Оп. 1.
27. ГАСПИТО. Ф. П-1120. Оп. 1.
28. ГАСПИТО. Ф. П-1172. Оп. 1.
29. ГАСПИТО. Ф. П-176. Оп. 1.
30. ГАСПИТО. Ф. П-1177. Оп. 1.
31. ГАСПИТО. Ф. П-1183. Оп. 1.
32. ГАСПИТО. Ф. П-1196. Оп. 1.
33. ГАСПИТО. Ф. П-1210. Оп. 1.
34. ГАСПИТО. Ф. П-1217. Оп. 1.
35. Комсомольская правда. 1930. 11 марта.
36. Товарищ комсомол. М.: Молодая гвардия, Т. 1. 1969. С. 524–528.
37. Ипполитов В. А. Провинциальный комсомол первой половины 1930-х годов как объект политического контроля // Genesis: исторические исследования. — 2015. — 2. — С. 1–24. DOI: 10.7256/2409–868X.2015.2.14250. URL: http://www.e-notabene.ru/hr/article_14250.html
38. Слезин А. А. История раннего комсомола: к характеристике архивно-источниковой базы // Исторический журнал: научные исследования. — 2012. — № 5. — С. 104–107.
39. Безгин В. Б. Правовые обычаи в обыденном сознании и повседневной жизни российского крестьянства второй половины XIX — начала XX века // Право и политика. — 2013. — № 10. — С. 104–107. DOI: 10.7256/1811–9018.2013.10.9640

40. Новиков С. Г. ВОСПИТАНИЕ СУБЪЕКТА МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ: ВЗГЛЯД НА СОВРЕМЕННУЮ ПРОБЛЕМУ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ОПЫТА 1920–1930-х ГОДОВ // Современное образование. — 2013. — 4. — С. 54–73. DOI: 10.7256/2409–8736.2013.4.10105. URL: http://www.e-notabene.ru/pp/article_10105.html

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Beznin M. A., Dimoni T. M. Agrarnyi stroi Rossii v 1930–1980-kh godakh (novyi podkhod) // Voprosy istorii. 2005. № 7. S. 23–44.
2. Il'nykh V. A. Organizatsionno-khozyaistvennoe ukreplenie kolkhozov (1930-e-nachalo 1950-kh gg.) // Irkutskii istoriko-ekonomicheskii ezhegodnik. Irkutsk, 2010. S. 284–287.
3. Ippolitov V. A. Sotsial'no-politicheskie aspekty deyatelnosti tambovskogo komsomola v period sushchestvovaniya politotdelov MTS (1933–1934 gg.) // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2013. № 12–2. S. 86–88. 3. Istoriya sovetskogo krest'yanstva. V 5 t. T. 2. Sovetskoe krest'yanstvo v period sotsialisticheskoi rekonstruktsii narodnogo khozyaistva. Konets 1927–1937. M.: Nauka, 1986.
4. Migushchenko O. N. Vliyanie sotsial'no-ekonomicheskoi politiki gosudarstva na razvitie pravovykh vzglyadov sel'skogo naseleniya v 1928–1934 gg. (na materialakh TsChO): Kursk: KF OrYuI MVD RF, 1999. 154 s.
5. Nadirov S. N. Uchastie molodezhi v provedenii kollektivizatsii sel'skogo khozyaistva Dagestana // Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. № 4–4. S. 180–185.
6. Osipov R. P. Molodezh' Orlovshchiny v predvoennye gody KhKh veka // Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena. 2008. № 67. S. 197–201.
7. Ocherki istorii komsomol'skikh organizatsii Tsentral'nogo Chernozem'ya. Voronezh, 1978. 236 s.
8. Pavlukhin D. V. Komsomol v sisteme politicheskogo kontrolya (1934–1938 gg. Na materialakh Voronezhskoi i Tambovskoi oblasti): dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02 / D. V. Pavlukhin. — Tambov, 2005. 190 s.
9. Pirozhkov G. Zavetam Lenina verny. Tambov: Obkom VKLSM, 32s.
10. Rogalina N. L. Kollektivizatsiya: uroki proidennogo puti. M.: MGU 1989. 223 s.
11. Slezin A. A. Antireligiozniy aspekt 'Velikogo pereloma': normativnaya baza i pravoprimeritel'naya praktika // Politika i Obshchestvo. 2009. № 7. S. 66–76.
12. Slezin A. A. Komsomol v kollektivizatsii: vnuti i protiv obshchekre-st'yanskogo fronta // Istoriya v podrobnostyakh. 2011. № 10. S. 66–73.
13. Slezin A. A. Komsomol'skii tragifars pod aplodismenty Stalinu // Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. 2006. T. 12. № 2. S. 520–530.
14. Slezin A. A. 'Legkaya kavaleriya' v sisteme politicheskogo kontrolya // Voprosy istorii. 2001. № 11–12. S. 131–136.
15. Slezin A. A. Regulirovanie sostava komsomola na rubezhe 1920-kh-1930-kh godov i transformatsiya obshchestvennogo pravosoznaniya // Pravo i politika. 2010. № 3. S. 547–551.
16. Stetsyura Yu. A., Panarin A. A. Molodezh' v pereustroistve sel'skogo khozyaistva v SSSR na rubezhe 20–30-kh godov XX veka // Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya, 2012, № 2, S. 56–62.
17. Golosa krest'yan: Sel'skaya Rossiya XX veka v krest'yanskikh memuarakh. M.: Aspekt Press, 1996. 412 s.
18. Gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii Tambovskoi oblasti. (GASPITO). F.P-365. Op. 1.
19. GASPITO. F. P-379. Op. 1.
20. GASPITO. F. P-752. Op. 1.
21. GASPITO. F. P-835. Op. 1.
22. GASPITO. F. P-965. Op. 1.
23. GASPITO. F. P-1103. Op. 1.
24. GASPITO. F. P-1160. Op. 1.
25. GASPITO. F. P-1165. Op. 1.
26. GASPITO. F. P-1117. Op. 1.
27. GASPITO. F. P-1120. Op. 1.
28. GASPITO. F. P-1172. Op. 1.
29. GASPITO. F. P-176. Op. 1.

30. GASPITO. F. P-1177. Op. 1.
31. GASPITO. F. P-1183. Op. 1.
32. GASPITO. F. P-1196. Op. 1.
33. GASPITO. F. P-1210. Op. 1.
34. GASPITO. F. P-1217. Op. 1.
35. Komsomol'skaya pravda. 1930. 11 marta.
36. Tovarishch komsomol. M.: Molodaya gvardiya, T. 1. 1969. С. 524–528.
37. Ippolitov V.A. Provintsial'nyi komsomol pervoi poloviny 1930-kh godov kak ob'ekt politicheskogo kontrolya // Genesis: istoricheskie issledovaniya. — 2015. — 2. — С. 1–24. DOI: 10.7256/2409–868X.2015.2.14250. URL: http://www.e-notabene.ru/hr/article_14250.html
38. Slezin A. A. Istoriya rannego komsomola: k kharakteristike arkhivno-istochnikovoi bazy // Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya. — 2012. — № 5. — С. 104–107.
39. Bezgin V. B.. Pravovye obychai v obydennom soznanii i povsednevnoi zhizni rossiiskogo krest'yanstva vtoroi poloviny XIX — nachala XX veka // Pravo i politika. — 2013. — № 10. — С. 104–107. DOI: 10.7256/1811–9018.2013.10.9640
40. Novikov S. G. VOSPITANIE SUB>>>>EKTA MODERNIZATsII ROSSII: VZGLYAD NA SOVREMENNUYu PROBLEMU SKVOZ>' PRIZMU OPYTA 1920–1930-kh GODOV // Sovremennoe obrazovanie. — 2013. — 4. — С. 54–73. DOI: 10.7256/2409–8736.2013.4.10105. URL: http://www.e-notabene.ru/pp/article_10105.html